

Есть люди, которых не забывают. Четыре года назад, в год столетия со дня рождения заслуженного работника культуры РФ Олега Милохина, на здании областного театра кукол появилась мемориальная доска, посвящённая ему, успешно директорствовавшему в этих стенах. В этом году, по случаю 105-летия Оренбургского отделения Союза театральных деятелей России об одном из самых энергичных и ярких его председателей, к тому же замечательном артисте Олеге Милохине напомнил Сергей Тыщенко, заслуженный артист РФ. В своём музыкальном эссе он рассказал о творческом пути солиста оренбургской оперетты. Но об этом человеке, его незаурядной личности и масштабном таланте хочется вспомнить и без особого повода. По той простой, но становящейся всё более редкой причине, что вот он — пример бескорыстного служения делу.

В канун своего 85-летия со дня рождения и 65-летия творческой деятельности Олег Евгеньевич Милохин был удостоен звания — «Кумир». Так называется муниципальная премия Оренбурга. Может быть, это и достаточно скромная награда, местного, так сказать, значения, но зато она точно соответствовала статусу любимца оренбургской публики.

Кумиром оренбургских зрителей Олег Евгеньевич стал задолго до этого официального признания. Он был кумиром в течение долгих десятилетий; яркой синевой глаз, сияющей улыбкой, неповторимым тембром голоса буквально сводя с ума представительниц прекрасного пола. И когда уже перестал выходить на сцену, стал театральным директором, председателем областного отделения Союза театральных деятелей РФ, его по-прежнему узнавали на улице и почтительно шептали вслед: «Милохин!» Моя тётушка, особа довольно строгих нравов, всю жизнь вспоминала, как известный артист Олег Милохин угощал её с подружкой мороженым. Почему-то я не догадалась расспросить о подробностях этой истории, но думаю, что дело обстояло следующим образом. Две молодые поклонницы решились подойти к любимому артисту с изъявлениями восторга по поводу его таланта, а он в благодарность сделал широкий жест.

Жизнь премьеры оренбургской оперетты Олега Милохина была на виду, на публике. Но многое в

ней, как оказалось, оставалось в тени и даже являлось настоящей тайной, ибо о многом не принято было говорить, более того, не следовало и заикаться до того времени, которое получило название перестройки и гласности.

Когда Олег Евгеньевич впервые открылся мне в интервью, я была потрясена драматизмом его судьбы, сознанием того, что его творческий путь должен был сложиться не в провинции, а в столице и обещал быть куда более блестящим. А ещё удивил тем, что не выражал никаких обид и жалоб ни на строй, ни на доставшееся именно ему роковое стечение обстоятельств, как это делали и делают другие. Не знаю, чувствовал ли он себя выше жизненных превратностей или философски считал, что всегда бывает так, как бывает, а не так, как хочешь, чтобы было.

Милохин рано начал в искусстве благодаря тому, что появился на свет в артистической среде. Родители, драматические актёры, работали в Санкт-Петербургском театре «Фарс». Отец — комик. Мать по амплуа — героиня, подменявшая на сцене саму хозяйку театра, когда та отлучалась в Париж за новыми туалетами. (Лидию Ивановну Куровскую старые оренбургские театралы помнили долго: до 1965 года, она, обожаемая публикой, играла в оренбургской оперетте). Когда началась Первая мировая война, Евгений Александрович Милохин закончил школу прапорщиков и ушёл

на фронт. Сын родился без него. Отец увидел мальчика впервые, когда тому было почти три года.

Вернулся глава семьи как раз к начавшейся разрухе. В окно милохинской квартиры было видно, как на телеги складывали трупы. От голода и холеры умирало всё больше народа. Жители большого города потянулись в село, спасая своих близких и себя. Уезжали и актёры, собираясь на новых местах в небольшие мобильные труппы. Сами едва избежав смертельной угрозы, они ставили спектакли в помощь голодающим Поволжья. Для этой цели писались простенькие пьески непременно с жалостливой ролью голодного мальчика.

Один из первых героев Олега Милохина, обессиленный, лежал на печи и повторял два слова: «Мама, хлеба... Мама, хлеба...» Дебютанту едва сравнялось шесть лет. Ещё в его обязанности входило по окончании представления с картузом обойти зрительный зал. Маленькому артисту уже платили зарплату — 40 тысяч керенками. На первый гонорар был куплен велосипед. Затем послужной список Милохина-младшего украсил выход на сцену прославленной Александринки. Играл сам Давыдов. А спектакль... Чуть ли не «Стенька Разин». По ходу действия атаман должен был взять на руки мальчика. Догадываетесь, кто был тем мальчиком?

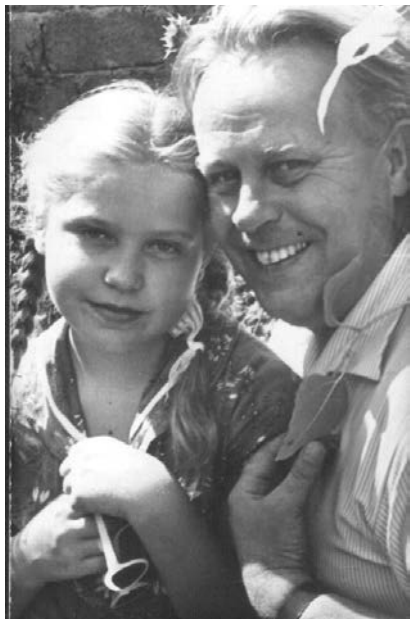
В двенадцать лет Олег Милохин стал партнёром Леонида Утёсова. В каком-то частном театре

О.Е. Милохин

ставили популярную в ту пору пьесу «Мендель Маранц». Так вот у Менделя был сын... Этот театрик быстро сообразил выгоду от наличия юного и симпатичного дарования. Во всяком случае для Олега Милохина специально писали роли в модных обозрениях и злободневных пьесах, и целый год он играл по два спектакля в день. Пятиклассник обеспечивал ставших к тому времени не по своей вине безработными родителей, получая по два рубля в день (а пирожное тогда стоило семь копеек).

Когда Олег закончил школу, то его естественным решением было идти и дальше по театральной линии. Правда, имелся один нюанс: он хотел петь.

С дочерью Любой

В такой ситуации путь лежал один — в Мариинку. Время дипломированных специалистов ещё не настало и, чтобы стать профессиональным певцом, следовало брать частные уроки. Так Милохин и поступил. В Мариинской опере его зачислили в штат и уже поручали именные роли. В «Евгении Онегине» — месье Гильо. «Мой секундант, вот он: месье Гильо». После чего тенор Ленского выводит: «Начнём, пожалуй». Так вот и получилось, что он был на одной сцене с корифеями: рядом с ним пели Иван Козловский, Григорий Большаков и Леонид Собинов в прощальном своём спектакле.

Всё шло, как в мечтах. И тут — убийство Кирова. Шквал обысков, арестов, ссылок. Милохина-старшего причислили к участникам контрреволюционного заговора. Арестовали, предъявив вздорное обвинение. Следом вызвали в «серый дом» жену и сына и — всех троих — выслали в Оренбург.

20 марта 1935 года Милохины вышли на перрон вокзала совершенно незнакомого города, где их никто не ждал и не знал. Олег — в легкомысленной шляпе: в Ленинграде уже всюду пела весна. А здесь стоял тридцатиградусный мороз. Хорошо ещё, что в Ленинграде у одних знакомых оказались знакомые, у которых в Оренбурге жили знакомые. Их адрес и имелся на руках у ссыльных. На привокзальной площади стояли только «ишакси». На одном они и поехали. Звучная улица Октябрьская находилась на самой окраине. Хозяин старой хатки лежал в малярии. Но не оплошали наши земляки, приняли горемык. А ведь накануне в газете появилась статья с предупреждением: едут в наш край бывшие графья и князья, враги советской власти, будьте, мол, бдительны. Но и правда была в этой груде печатной лжи: действительно, целый эшелон, набитый изгнанниками, прибыл на оренбургскую землю.

На работу никуда не брали. И где была логика? В театре работать Милохиным запретили.

Всей семьёй ходили отмечаться в НКВД. Но не только что организованной радиостанции Олегу предложили петь. И выходил в прямой эфир сын врага народа с ариями из опер и оперетт.

3-я Буранная, Григорьевская — по этим адресам снимали Милохины «углы». На Григорьевской Евгения Александровича и арестовали во второй раз. Шёл 37-й год — не чета 35-му, поэтому отец больше не вернулся. Мать выслали ещё раньше в село Октябрьское, где она, не растерявшись, организовала драматический коллектив, вырастил в нём даже будущего министра культуры РСФСР Алексея Попова.

Много-много позже из реабилитационных документов Милохина-старшего сын узнал, что отца вписали в «дело Каширина» и в 37-м расстреляли, узнал и то, что он вслед за родителями является потомственным дворянином (а не была ли принадлежность к дворянскому сословию истинной и единственной виной?)

А «жить стало легче» и главное — веселей. Оренбург не остался в стороне от новых веяний. Появился джаз. Классных музыкантов-то понаехало достаточно, хотя и не добровольно: первый фагот Ленинграда и прочие... Здесь и пригодился поставленный голос Олега Милохина. Позднее он и ударные освоил.

С десяти утра до двух часов дня джаз играл на вокзале (была такая мода), потом перед сеансами в кинотеатрах «Пролетарий»

и «Молот» (впоследствии поменявшие имена на «Октябрь» и «Победа», к нынешним временам канувшие в небытие). Зарабатывал новоявленный джазмен Милохин вполне приличные деньги — до двух тысяч в месяц. А четверть (3 литра) молока на базаре стоила 3 рубля, килограмм отборного мяса — 4 рубля, за сотню яиц просили трёшку. А когда молодой человек решил приодеться и заказал себе в лучшем ателье у превосходных портных (имелись тогда такие!) костюм из бостона и пальто из тёмно-синего драпа, то встали они ему в 800 рублей.

И всё-таки, когда Олега Милохина в октябре 1938 года пригласили в оренбургскую оперетту, то он, не пожалев о сногшибательных заработках, ушёл на зарплату в 400 рублей, потому что прежде всего ощущал в себе артиста. Артисту нужна была сцена.

Он стал подлинной звездой театра, хотя артистов в те времена так не называли, а уж тем более они себя так не преподносили. Его творческое долголетие включило в себя и многообещающую весну, и цветущее лето, и зрелую мудрую осень. Дебютировал Милохин 15 ноября 1938 года, в свой день рождения, сыграв в «Свадьбе в Малиновке» Андрейку, почти своего ровесника. Это был лирический, советский герой. А потом последовали персонажи классических оперетт Кальмана, Легара. Молодость — пора романтизма, им

Участники семинара режиссёров и драматургов

были одушевлены милохинские герои, беззаветно влюблённые, красиво страдающие, обретающие в финале заслуженные любовь и счастье. Пришла зрелость — появились новые амплуа. В той же «Сильве» он стал играть характерные роли — Бони, Ферри. А выход на сцену в образе князя Воляпока обозначил следующий этап актёрской жизни — переход на возрастные роли.

Наверное, Милохину непросто давалось неизбежное артистическое взросление, но этого никто не видел; напротив, у зрителя было ощущение, что артист благодарно принимает ход

творческого времени. Но ведь и правда, он находился на месте в каждом новом амплуа, открывал в себе и демонстрировал со сцены всё новые возможности и вокально-драматические краски.

Вот что написал исследователь истории Оренбургского театра музыкальной комедии Виктор Наточий в своей книге «Силуэты» об Олеге Милохине: «Ему были свойственны лёгкость и естественность, он был изящен во фраке, хорошо владел голосом. А ещё у него было острое чувство комического, что, сами понимаете, в оперетте высоко ценилось. Как он сознавался, он любил в каком-нибудь эпизоде «похулиганить», импровизировать».

Оренбургу и Оренбургскому театру музыкальной комедии повезло с Олегом Милохиным; он стал здесь признанным кумиром, сыграл почти 250 ролей, выступил режиссёром почти 40 спектаклей. Но и Милохину повезло с Оренбургом. Город его полюбил. И по сей день имя Олега Милохина в театральном мире произносится с почтительным придыханием. Его помнят коллеги и многочисленные зрители. Программки спектаклей с его участием хранятся в семейных архивах как реликвии.

Многие артисты твердят: со сцены нужно уходить вовремя. И редко кто действительно

так поступает. Олег Евгеньевич оказался исключением из правила. Причём, уйдя со сцены, он остался в театральной сфере, опять освоил новые амплуа. В качестве директора областного театра кукол реконструировал старое здание, открыл при нём актёрскую студию. Пятнадцать лет, с 1966-го по 1981 год, успешно председательствовал на посту главы Оренбургского отделения Всероссийского театрального общества. И это было время серьёзных общесоюзных театральных событий: в областном центре с размахом праздновалось 100-летие ВТО, в областном драматическом театре состоялась Всероссийская военно-патриотическая конференция, в областном театре прошёл Всероссийский семинар драматургов.

Олег Евгеньевич вспоминал, что без консультаций с ВТО управление культуры не принимало решений даже по вопросам театрального репертуара. «Нас держали в первых помощниках, тесно сотрудничая с отделением. Активно работали с ВТО главные режиссёры театров... Вместе с ними мы разрабатывали и проводили Театральные

недели, Дни театра... Хорошие отношения у нас складывались с обкомом комсомола. Два раза в месяц комсомольцы устраивали у нас в «Малютке» заседания «Зелёной лампы». Мы им лекции по искусству театра читали. (Вы можете себе вообразить сегодняшних чиновников, внимающих рассуждениям о театральных веяниях?! — Т.Т.) За чаем приобщали комсомольских деятелей к искусству... А сколько встреч было с иностранными делегациями! Кто приезжал из Монголии, Вьетнама, Южной Америки, всех вели к нам».

Кстати, о «Малютке». Это тоже было детище Олега Милохина. «Малютка» возникла на третьем этаже драматического театра как место актёрских творческих встреч. Деньги на оборудование Олег Евгеньевич выпросил в Москве у Михаила Царёва,

Москва, 1970 год. После фестиваля в Венгрии с коллективом театра кукол

Отчётно-выборная конференция ВТО

председателя ВТО. Какие гости побывали в «Малютке»! А. Райкин, М. Ульянов, В. Зельдин, З. Гердт, Е. Евстигнеев, В. Талызина, А. Джигарханян, Беата Тышкевич и Ежи Гофман... Здесь пела фольклорная группа Оренбургского народного хора, играл на гармошке дважды Герой Социалистического Труда, известный на всю страну хлебороб Василий Чердинцев. Здесь выставлялись работы оренбургских художников, проходили творческие встречи, вечера памяти, справлялись юбилеи. Этот уголок объединял театры города и людей театра. И ей-богу, это помогало им в творчестве. Потому что хороший отдых — это тоже творчество. И это объединение оренбургских театральных деятелей — заслуга без преувеличения Олега Евгеньевича Милохина. Видимо, он

хорошо знал, как важно людям одной художественной крови держаться за руки, чтоб не пропасть поодиночке.

В 85 лет Олег Евгеньевич ещё раз вышел на родную сцену Оренбургского театра музыкальной комедии. В свой бенефис он продемонстрировал, что не потерял ни музыкальности, ни лёгкости и вполне вписывается в кордебалет. Он вообще не старел, а благородно принимал свой возраст. Его дочь, Любовь Милохина, заслуженная артистка России (а разве её судьба могла сложиться иначе, не вдохновиться родительским примером?!) хорошо помнит, как отец, сидя в любимом кресле, пел из «Евгения Онегина», которого он знал целиком. Вот такие они, настоящие, не показные кумиры.

**Творческие образы
Олега Милохина**

На бенефисе Олега Милохина

Семья Милохиных на открытии мемориальной доски, посвящённой 100-летию со дня рождения Олега Евгеньевича. 2014 г.